

Борис
Олейник

НЕИЗВЕСТНЫЙ

Горбачев

КНЯЗЬ ТЬМЫ

**Валентин Сергеевич Павлов
Филипп Денисович Бобков
Борис Ильич Олейник
Неизвестный Горбачев.
Князь тьмы (сборник)
Серия «Гении и злодеи»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6373371
Неизвестный Горбачев. Князь тьмы.: Алгоритм; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-47954-2*

Аннотация

Автор этой книги, Борис Ильич Олейник, писатель, публицист и политический деятель, хорошо знал Михаила Горбачева. В «перестройку» Б. Олейник являлся депутатом Верховного Совета СССР, заместителем председателя Палаты Национальностей Верховного Совета СССР.

Будучи человеком глубоко верующим, православным, Борис Олейник еще тогда заметил, что период правления Михаила Горбачева странным образом соответствует библейским пророчествам о пришествии посланца Антихриста. В стране одно за другим происходили события, трудно объяснимые с точки зрения обычной логики: страшная черныбыльская катастрофа,

гибель теплохода «Нахимов»; лоб в лоб сталкиваются поезда, одна за другой взрываются шахты. Наконец, взрывается Карабах, детонируя цепную реакцию кровавых гейзеров в Тбилиси, Оше, Сумгаите, Баку, Южной Осетии, Вильнюсе, Тирасполе.

В то же время Горбачев постоянно вел переговоры с западными лидерами за закрытыми дверями. И переговоры эти происходили странным образом и в странных местах. Общественность никак не могла взять в толк: чего это, к примеру, Горбачева потянуло встречаться с Бушем... на Мальту? На Мальту, имевшую зловещую славу острова, где гнездились разные рыцарские ордена, поклоняющиеся сатане...

Описывая биографию и политическую деятельность Михаила Горбачева, автор приходит к выводу, что он был предназначен князем тьмы для разрушения России.

Содержание

Горбачев. Князь тьмы	5
Предисловие	5
Горбачев – известный и неизвестный	12
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Борис Олейник, Филипп Бобков, Валентин Павлов Неизвестный Горбачев. Князь тьмы

**Горбачев. Князь тьмы
Борис Олейник**

Предисловие

Был горячий, веселый день конца мая 1987-го.

После раскаленной до предела стеклянной банки номера «России» даже пропитанный гарью московский ветерок казался благом.

Я стоял у северного блока гостиницы, лицом к кремлевским стенам в ожидании коллеги «с колесами». Всесоюзный съезд общества «Знание» близился к завершению, но я счел уместным освободить его от своего присутствия до окончания работы, поскольку моя скромная персона вызывала раздражение не только президиума, состоящего почти сплошь

из академиков, но и властных верховных сфер.

Накануне, выступая в прениях, я всего лишь призвал «говорить правду, и только правду», какой бы горькой она ни была. Не умалчивать ее, ссылаясь на высшие государственные интересы.

Разве это секрет, что и после чернобыльской беды мы все еще не дали ответа на множество острых проблем атомной энергетики? Что на Украине, в одном из наиболее населенных регионов, занимающем лишь около 3 процентов территории страны, размещено почти четверть общесоюзных мощностей АЭС? Что вскоре нам придется решать проблему захоронения миллионов тонн радиоактивных отходов? К лицу ли нам, отцам, закрываться от пытливых глаз наших детей зонтом секретности? Уж коли ныне, с высоты космической орбиты, можно прочесть полосу «Правды» с призывами к гласности, то уж «заметить» АЭС труда не составляет. К слову, не у нас же, а у них, в частности в США, впервые после аварии на АЭС возник кризис доверия к станциям.

По нынешним меркам подобная смелость вызовет разве что снисходительно извиняющую улыбку. Но по тем временам (а это был 87-й), когда цензура строжайше «просеивала» все, что касалось Чернобыля, эти и другие приведенные мной факты вызвали настоящую истерику. Теперь уже могу открыть, что цифры касательно Украины, впервые обнародованные на съезде, кроме других источников, я позаимствовал и из статьи Б. Е. Патона, именно из того ее фрагмен-

та, который был изъят цензурой.

Естественно, это задело не только Центр, но и киевские верхи, которых, по обыкновению, сразу же проинформировали проворные доброхоты. Так что оставаться до окончания съезда, согласитесь, не было резона.

* * *

Итак, я стоял у входа в гостиницу «Россия». Поскольку спешил к поезду, внимание мое было приковано к стрелкам часов. Но все же боковым зрением я заметил какой-то игрушечный, ярко раскрашенный самолетик, который то появлялся почти над головой, то пропадал из виду. Раза два он как бы приноравливался сесть на мосту, что слева от гостиницы, и снова взмывал вверх.

Время от времени возле меня останавливались случайные прохожие, буднично спрашивали: не знаю ли, что это за самолет? Я так же буднично отвечал, что не ведаю, но, возможно, это какой-то рекламный полет. Так подумалось, ибо чего-то другого не мог предположить.

Наконец самолетик, сделав еще один круг, сел прямо... на Красной площади. Метров за 150 от меня. И за 50 – от Мавзолея. Из кабины выпорхнул юркий, худощавый юноша, кажется, в белом костюме или комбинезоне.

В этот миг и причалил коллега «с колесами». Он тоже заметил самолет и шутливо спросил, что это, мол, за истреби-

тель? Забрасываясь в кабину, я в тон ему повторил свою версию.

И только в поезде, на следующее утро, за несколько километров от Киева, слух уколола фраза из вагонного репродуктора. Я даже не разобрал слов, но, видимо, недремлющее подсознание автоматически отреагировало на нечто, и вправду выходящее за весь предыдущий жизненный опыт.

Не успел я осознать услышанное, как вдруг вскочил сидевший напротив меня грузный, уже почтенных лет сосед по купе и растерянно выдохнул:

– Вы что-нибудь понимаете?!

– Да вот, не совсем уловил...

– Только что передали: какой-то немецкий самолет, не замеченный ПВО, сел... где бы вы думали? Возле Кремля, у самого Мавзолея!

Меня буквально подбросило:

– Господи, да я же видел, как он садился!!!

Возле нашего купе уже сгрудились пассажиры из всего вагона. Как сквозь вату, к моему сознанию пробивались сначала встревоженные, а потом и все более гневные голоса:

– Но это же черт знает что...

– Ну дожились...

– Такого позора я не переживу... Мы даже в сорок первом...

– Вот так-то, папаша. Вы в сорок первом отстояли Москву, а мы ее вчера сдали... – попытался сьюморить бодрый

парняга, но его зашикали.

Словно сквозь туман, ступил на перрон. Странное чувство – не то безволия, не то безысходности – овладело мной. Я впервые почувствовал себя маленьким, слабым и незащищенным...

* * *

Уже на привокзальной площади, уловив какой-то гул, непроизвольно съежился и опасливо посмотрел вверх: не заходят ли?... Как в сорок первом, когда над нашей беженской валкой заходили в пике – с тем особенным, прерывисто-волчьим воем – немецкие штурмовики. Но и тогда не было этого чувства тоскливой безысходности: нас защищали пусть и фанерные, но такие родные истребители. Они отчаянно вступали в бой со стервятниками, горели, но все же защищали. Защищали нашу надежду на избавление.

И даже в сентябре 41-го, когда в какой-то полувоенной автоколонне нас вместе с матерью взяли в плен фашисты, – даже тогда надежда на избавление не угасала.

Однако в тот день 87-го и надежда, которая умирает последней, угрожающе пошатнулась. Может, именно в то утро впервые поколебалась и моя беспредельно наивная вера в Вас, Михаил Сергеевич?

Но мне, принадлежащему к поколению, за каких-то три десятилетия пережившему крушения трех идолов и трех пе-

реписанных в угоду им «историй Отечества», чисто по-человечески не хотелось потерять веру в четвертого. Ибо, по законам предков, по всем писаниям и предписаниям человеку уготовано выдержать три искуса, а дальше уже грозит потеря точки отсчета и ориентиров.

Увы, человек только предполагает, а располагает... И то, в чем не хотелось, да – признаюсь – и ныне еще не хочется убеждаться, с того, рутовского «налета» неотвратимо вело к осознанию непоправимого.

И в этой книге я обязан в меру своих сил и возможностей вскрыть смысл и последствия Ваших деяний, ибо, волею судеб и я был причастен к ним.

Не в моих правилах посылать стрелы в спину уходящему, но мы с Вами, Михаил Сергеевич, уже не просто частные лица, а составные, и, если хотите, катализаторы того процесса, который привел не только нас – все общество к нынешнему состоянию. И невзирая на ранги, несем личную ответственность перед современниками и грядущими поколениями.

Следовательно, мое – не только мое. В той или иной мере это сомнения, разочарования, мучения, самоосуждения многих и многих соотечественников, сограждан и современников.

А впереди еще подрастающая поросль, которая теперь, по вполне естественным возрастным причинам, не знает, чем ей придется расплачиваться за все ВАШЕ, МОЕ, за все НАШЕ...

И если я буду касаться Вас лично, то не только как личности, а прежде всего как феномена. Следовательно, все оценки, какими бы они горькими ни были, распространяются и на меня в одинаковой степени. Как ни тяжело осознавать, но я иду на это сознательно, как на обряд очищения...

Горбачев – известный и неизвестный

Мы помним, как хорошо Вы, Михаил Сергеевич, говорили, исподволь приближая нас к общечеловеческим ценностям. Естественно, мы (я имею в виду писателей, творческую и научную интеллигенцию) были на Вашей стороне в борьбе с ортодоксами. Не все, разумеется, но авторитетное большинство. Мы пытались помочь Вам и Вашим сподвижникам в преодолении самого упорного узла сопротивления новациям – психологии, выработанной десятилетиями пропаганды приоритетов революционной необходимости. Очень уж нам хотелось быть «цивилизованными»! А если без иронии – налицо были все признаки если и не угасания, то, по крайней мере, явно ощутимого торможения в движении «нашего паровоза». Надо было что-то менять, причем – немедленно.

Трудно Вам давалась эта переоркестровка ценностей, но Вы упорно переписывали партитуру замшелых стереотипов.

Да, трудно Вам было неимоверно. Со временем, правда, Вы втянулись в этот изнурительный марафон, отработали речевой ряд, но на первых порах...

Ваша нечеловеческая выносливость удивляла и восхищала.

Выступления, встречи, совещания, конференции, интервью в залах и на площадях. Правда, в некоторых фрагментах Вы начали повторяться, но сие мы относили за счет ретро-

градов, которым надо было упорно напоминать, вдалбливая новое мышление.

Очевидно, кто-то из непростakov Вам подсказал тему борьбы с алкоголизмом. Я подчеркиваю – не из простаков, ибо этим призывом Вы привлекли на свою сторону сразу две мощные общественные силы: женщин, как наиболее страдающих от сего зла, и не менее влиятельный слой – интеллигенцию. Не скажу, что всю, может, даже не большую, но зато – самую активную, национально заангажированную часть ее, которая смотрела в будущее. Будущее же виделось весьма сумрачным, если учесть количество потребляемого алкоголя, побившее все дореволюционные и послевоенные «рекорды». Словом, интеллигенция, сознающая свою гражданскую ответственность за сохранение здоровой наследственности нации, тоже стала под Ваши знамена.

Но, по нашему обыкновению, идея вскоре была скомпрометирована крайностями, вплоть до вырубki виноградной лозы. Грешили прежде всего на Лигачева. Меня тоже покорила его фраза, брошенная сгоряча, кажется в Армении: мы, мол, не посмотрим на национальные традиции. Но я не верил, не верю и никогда не поверю, чтобы Егор Кузьмич когда-либо давал прямые указания на уничтожение виноградарей.

Так или иначе, а образ «врага» (тут еще и Гдлян с Ивановым весьма своевременно постарались по другой линии) в лице Егора Кузьмича был создан и мастерски апплицирован

на ту часть интеллигенции, которая, став под Ваши хоругви, искренне боролась за здоровье населения. Причем, тонко сместив понятия, ей приписали – что бы вы думали?! – великодержавные замашки.

Странно Вы повели себя в этой ситуации. По элементарной логике, знаменосец и автор идеи вроде бы должен отстаивать своих сподвижников. Вы же как-то незаметно ушли в сторону, оставив их в качестве мишеней для измываний «прорабам перестройки».

Может быть, именно тогда родилось что-то похожее на сомнение в Вашей искренности? Но в те времена моя вера была еще настолько избирательной, что я мог сомневаться в ком и в чем угодно, кроме Вас.

Это уже потом... А до того... до того я Вам, как и многие другие, верил безраздельно. Тем более что Вы приняли участие и в моей судьбе, которая одно время висела на волоске.

* * *

Мои взаимоотношения с властями на Украине складывались по-разному. Как и многие другие, попав в крестовину особого внимания в 60-е, я с тех пор то выныривал, то скатывался вниз, вплоть до неоднократного снятия с работы. А одно время после голосования против исключения известного во всем мире правозащитника Ивана Дзюбы из Союза писателей – я «загремел» так, что почти два года был «на твор-

ческих сухарях», само собой – без права печатания и выезда. ...Давно намекали посвященные, что на меня упорно «капают» Щербицкому, или ВВ, как его именовали. Причем не только письменно («националист» или, по крайней мере, «национал-коммунист»), но и устно, доверительно, чуть ли не в семейном кругу. Если первые доносы еще можно было как-то попридержать (а честных людей и в ЦК было немало), то доверительные, сказанные на ушко, доходили до адресата. Но я надеялся: ВВ, как человек опытный, рассудительный, разберется что к чему.

Вскоре мне как-то под вечер позвонил старый друг и полунамеками предложил «пройтись». Рассказал следующее. На Политбюро, помимо других дел, рассматривался регламент и предполагаемые выступающие то ли на предстоящей сессии Верховного Совета, то ли на партийном пленуме. Все шло как обычно. Но тут среди предполагаемых ораторов кто-то назвал мою фамилию. И вдруг, всегда сдержанный и осторожный в выражениях, ВВ буквально взорвался. Он кричал: я же говорил, что этому человеку (т. е. мне. – *б. о.*) нельзя давать слова, вы что – не слышали, что он болтает?! И не только здесь, но и там! (сиречь в Москве. – *б. о.*). Мне же говорил имярек (он назвал фамилию одного из моих коллег. – *б. о.*), что Олейник серьезно свихнут на нацпочве! (При этом многозначительно повертел перстом у виска.)

Ошарашенные участники того заседания буквально съжились. Моего старого друга особенно встревожило то, что

сей «диагноз» был выдан Щербицким не в узком кругу членов ПБ, а в присутствии заведующих отделами.

На сей раз даже мне, тертому, стало не по себе: я вполне не осознавал, что фраза насчет свихнутости, брошенная, возможно, сторяча, для особо рьяных прихлебателей могла послужить прямым указанием со всеми вытекающими... Какая-то машина «касается» бортом... «Скорая». Соответствующий укол... А дальше Вы уже сами знаете. И не исключено – навсегда.

На второй день я был в Москве: в этой ситуации промедление и вправду смерти подобно. Думаю, что окружение Щербицкого не ожидало от меня такой прыти. Но больше всего их шокировало и ввело в уныние то обстоятельство, что я сумел в тот же день передать письмо с изложением «истории вопроса». Я ни на кого не «капал», а просто сообщил «диагноз», поставленный мне Вашим сподвижником. И оставил за собой право подать в суд на ВВ.

Вы отреагировали сразу же, наивно спросив через своего помощника, что, мол, предпринять? Я ответил: а ничего, просто ставлю Вас в известность о происшедшем, дабы упредить возможную фальшивку из Киева. И не ошибся: утечка информации была настолько мгновенной, что уже на следующий день, по прибытии в Киев, я это почувствовал. Меня буквально обхаживали и чуть ли не заискивали передо мной люди из окружения ВВ.

Видимо, это обстоятельство, так сказать в форме компен-

сации за моральный ущерб, в какой-то мере содействовало и тому, что среди других я попал в число соискателей депутатского мандата от КПСС. То есть в «красную сотню», как изволила заметить не по-женски развязная Старовойтова, которая почему-то самозвано присвоила себе право выступать сразу от имени нескольких народов и партий.

Хотя и мне было не совсем ясно, зачем создавалась эта сотня? Неужели Вы боялись «пролететь» на выборах по нормальному округу? Да ведь тогда еще «руководящая» была настолько сильна, что избрание обеспечивалось на все сто с лишком процентов!

Говорю это не задним числом, подлаживаясь под нынешнюю конъюнктуру: еще в период избирательной кампании на вопросы, как отношусь к сей модели, я оценивал ее однозначно негативно, что можно легко проверить. Но я еще настолько был очарован Вашей приверженностью демократии, что, повторяю, мог усомниться в любом, кроме Вас. Да еще после упомянутого инцидента...

* * *

Тем временем демократия разворачивалась вовсю. Вочию начали проявляться и некоторые странности ее. Сначала думалось, что они объясняются то ли нашей юридической неграмотностью, то ли Вашей забывчивостью или, скорее, покладистостью перед нажимными действиями волевых

натур из числа лидеров новой волны.

Я, к примеру, так до сих пор и не уразумел «Закона о выборах». Вроде бы в истоках его был заложен принцип однократности: проигравший в одном округе уже не имел права баллотироваться в любом другом. Да и избирателям в качестве кандидатов рекомендовалось ориентироваться на людей, знакомых ими не понаслышке, работающих с ними, а не на варягов.

Изрядная путаница произошла и со средствами на избирательную кампанию. Вроде бы все взыскующие должны иметь равные условия. Но на поверку оказалось, что это далеко не так. «Партократы», нередко используя свое служебное положение, по командно-административной привычке привлекали средства подчиненных им городов и весей.

Не лучше выглядели и их оппоненты из лагеря радикалов. По нескольку раз проваливаясь в разных регионах, они устремлялись со своими командами в очередной округ и, используя непросвещенность избирателей, силовой прессинг вплоть до угроз, а то и прямые подкупы, пробивали своих.

К слову, эти командос щедро оплачивались и рублями, и неизвестно откуда взявшейся инвалютой.

В этом шабаше правового и морального нигилизма весьма странную – опять же! – позицию заняли Вы, Михаил Сергеевич. В очередной раз – сбоку, во всем своем величии демократа, «не замечая» Вами же осуждавшихся нарушений элементарных, общепринятых норм. «Дошло уже до того, това-

рищи...» – сокрушались Вы в очередной раз и... забывали.

Вы-то «забывали» или делали вид, что запомняли. Но многие запоминали. Отдельные всплески недовольства Вашей уступчивостью медленно, но верно перерастали в ропот, на первых порах – глухой.

Словом – воленс-ноленс – но Вы как главный архитектор и А. Н. Яковлев как главный теоретик «перестройки» настолько запутали предвыборную кампанию, что в депутаты не мог попасть лишь тот, кто этого не очень хотел. Зато каждый из новой волны, поставивший своей целью занять мандат избранника, получил его.

Демократия демократией, но есть ведь общепринятые, элементарные морально-этические критерии, по которым определяются показания или противопоказания иметь статус народного избранника. Ибо есть и такие чисто личностные качества, приобретенные или врожденные, которые в более или менее цивилизованном обществе являются непреодолимой преградой на пути к властным структурам.

Неужели Вам и Вашим многочисленным службам не был известен постнулевой моральный облик некоторых особей, остервенело рвавшихся на олимп? Тогда я еще сомневался. Ныне – уже не сомневаюсь: Вам все было известно.

* * *

Но вот состоялись выборы. Собрался I съезд народных де-

путатов СССР. Следовательно, представилась возможность в пределах кремлевского зала изучить весь срез нашего многонационального общества буквально за какие-то дни: мы ведь привыкли считать, что депутаты, как зеркало, отражают реальное состояние всех слоев и прослоек нашего народа.

Однако уже первые несколько дней резко поколебали этот стереотип. Ибо если предположить, что состав новоизбранного депутатского корпуса отражал действительность, то в таком случае весьма заметная часть нашего общества страдает, мягко говоря... психической неуравновешенностью. Но сие даже и в горячечном бреде невозможно представить! Следовательно, депутатский состав ни в коей мере не отражал состояние общества на 1989 год, а коли уж и был зеркалом, то весьма искривленным.

Как-то, после тяжелейшего, истеричного заседания Верховного Совета, Анатолий Иванович Лукьянов, смахивая щедрый пот с чела, сокрушенно покачал головой и полушепотом бросил: «Несчастливые люди! Медики доверительно сообщили, что среди депутатов, как бы сказать помягче, многовато людей с неустойчивой нервной системой. Но что поделаешь?! Несчастливые люди...»

Американцы, хорошо осведомленные по части нашего депутатского корпуса, беспечно похихатывали: «Да бросьте вы сокрушаться! У нас подобных личностей не меньше, если не больше. Правда, с той существенной разницей, что в Америке они занимают свою определенную, нижнюю нишу. У вас

же они почему-то оказались на верхних этажах».

Сначала и я склонился к этому расплывчатому «почему-то» и не менее пассивному «оказались». Но со временем все больше убеждался в том, что не все здесь случайно. Комму-то именно такой состав депутатского легиона был крайне необходим для далеко идущих целей.

Но это уже погода, и не я один пришел к подобному заключению. А тогда, да и гораздо позже, я еще наивно списывал вину на всех, кроме Вас. Ныне мне до боли стыдно за свои наивные возгласы: «Неужели нельзя было предположить?!» Скорее даже не стыдно, а обидно, что я так долго не верил своей интуиции.

Ибо... верил Вам. Верил, даже когда в так называемой «Воскресной моральной проповеди» на ЦТ в конце декабря 1989 года растерянно обвинял чуть ли не всех (и себя тоже!) в том, что «за последние десятилетия не раз менялись стратегические направления», что повсеместно «нарастают прагматизм, карьеризм, жестокость, раздраженность, жадность»... и когда в той же самой проповеди «размышлял» о самой вере: «В чем смысл этого феномена? Может, это – чувства? Но ведь чувства изменчивы. Может, это состояние души? Но и оно меняется под влиянием тех или иных чувств. Скорее, это все-таки некая норма, принятая всеми: обществом, человеческой общностью в целом и лично каждым. Стремление определить нечто как святыню, которая не подлежит размыванию. Если вера завизирована совестью –

она истинна».

Вот так говорилось и думалось. Если с позиций сегодняшних моих и общих познаний проанализировать эти слова, то можно заметить, как подсознательно сам себя и сограждан своих успокаивал, что моя вера в одну из тогдашних «святынь» истинна и непоколебима.

* * *

Глубоко ошибаются те, кто в крайнем раздражении обвиняет Вас в предательстве всех без разбора. Да, Вы подставили несколько своих «команд» и самых, казалось бы, ближайших соратников. Но почему-то всякий раз сия горькая чаша обходила нескольких человек, неуязвимо переходивших из одной, заложенной Вами, в очередную, намеченную к закланию, команду. Александр Яковлев, Вадим Бакатин, Евгений Примаков, Гавриил Попов, Георгий Арбатов, Анатолий Собчак, Юрий Афанасьев и еще несколько их собратьев поменьше – эта связка оставалась нетронутой при всех микропереворотах и перетрясках «кадров».

Главная ошибка Ваших самых яростных изобличителей состояла в том, что они в благородном гневе не замечали «домашних заготовок» и принимали за чистую монету Ваши схватки на миру с упомянутыми выше непотопляемыми.

Они (и я вместе с ними) даже не предполагали, что уколы, наносимые Вам теми же Яковлевым, Поповым, Собча-

ком или Афанасьевым, — всего лишь розыгрыш для профанов. И даже искренне защищали Вас от их наскоков.

Как-то А. Н. Яковлев, расслабившись после карнавально-го «путча», назвал своих и Ваших противников «шпаной».

Оставляю приоритет на сей понятийный аппарат за академиком. Но совершенно очевидно, что как раз Вамто и нужны были «несчастливые люди» на парламентском уровне, самая настоящая парламентская «чернь». Нет, не в том оскорбительном социальном понимании, не с тем презрительным ярлыком. «Чернь» в том духовно-нравственном смысле, как писал об этом русский мудрец Иван Ильин в «Аксиомах власти»:

«Люди становятся чернью тогда, когда они берутся за государственное дело, движимые не политическим правосознанием, но частною корыстью... Чернь не знает общего интереса и не чувствует солидарности... Она совершенно лишена сознания государственного единства и воли к политическому единению...».

Но именно «чернь», как известно, ради своих выгод, своей корысти умело выискивает себе опекунов, добровольно принимает послушание перед ними, впрочем, если нужно, успешно маскируя его («чернь на выдумки хитра...»).

* * *

Итак, собрался Съезд народных депутатов, впервые — как

это назойливо подчеркивалось – «избранных демократически».

Интересное это было и глубоко поучительное действо! И зрелище.

Несколько дней я как писатель буквально утопал в роскоши познания, изучая лица, повадки, систему жестов, игру эмоций, амбиций, наигранных истерик, заранее подготовленных экспромтов, демонстрацию «смелости» мыслей, своеобразный викторианский речевой стиль, граничащий с полублатным арго; навязчивую пренебрежительность в одежде – вплоть до маек с визиткой «Мальборо»; раскованность в общении с президиумом и даже с Самим, переходящую в рискованную фамильярность: иные депутаты, переваливаясь через стол президиума – разрезом пиджака к залу, для равновесия игриво отбрасывали ногу.

Упаси Бог, сие не касается большинства нормальных депутатов, которые опасливо посматривали на упомянутое выше агрессивное меньшинство. Эти (заимствую из излюбленного блока радикалов – «эта страна»), так вот эти с первых минут работы съезда сразу же определились в ловко сбитую стайку. Чувствовалось, что они заранее прошли соответствующий тренинг: сразу же оккупировали трибуну и микрофоны и, пользуясь неопытностью большинства, «повели» съезд.

...Не знаю почему, но первым мое внимание привлек Анатолий Собчак. Броский, в элегантно сшитом костюме, выше среднего роста, без излишних «соцнакоплений», он

чувствовал себя хозяином положения. Аттестованный как «известнейший юрист», он перманентно маячил у микрофонов, подправляя и регламент, и самого Председателя, не говоря уже о коллегах, по адресу которых отпускал колкие реплики.

Острый на слово, с хорошей реакцией, с иронической улыбкой, еле скрывающей пренебрежительное высокомерие к сирым, он поначалу многих буквально очаровал.

Мне всегда импонировала – и в друзьях, и в противниках – такая раскованность и, простите, подкупающая нахрапистость, когда и знаешь, что человек врет в глаза, но настолько искренне, с такой веселой самоуверенностью, что вызывает... симпатию.

Думаю, не открою особых «творческих секретов», когда скажу, что в писательском арсенале заложены своеобразные «кассеты» со стереотипами определенных, хорошо изученных им типажей. И если в поле внимания оказывается новая, незаурядная личность, он подсознательно подыскивает из своего запасника схожий с «новобранцем» по психоантропным характеристикам тип, по которому, уже изученному, пытается предугадать или рассчитать, что можно ожидать и от новенького.

Наблюдая за Анатолием Собчаком, я все больше натывался в своем запаснике на известный образец, который с легкой руки моего гениального земляка триумфально шествует по всему миру.

Вот он в очередной раз, юрко обходя коллег, решительно продвигается к микрофону. Следует очередная филиппика – то ли по адресу выступившего перед ним, то ли по поводу президиума. Учинив эскападу, он так же уверенно возвращается на свое место, лукаво подмигивая себе: а ну, мол, как ты, дорогой коллега, будешь отмываться?

Анатолий Александрович абсолютно невозмутим, когда его, тут же, «на миру», уличают в передергивании фактов, неточностях, а то и в прямом вранье. Похохотав вдоволь, разведя руками – мол, что поделаешь, бывает, – он с такой же невозмутимостью готовится к очередному броску на микрофон. Поражают его глаза на миловидном лице: трудно уловимые, поскольку смотрят... врозь.

Да, он отталкивает и одновременно чем-то привлекает, как и бессмертный Хлестаков. Но гоголевский герой симпатичен тем, что, отчаянно привирая, подсмеивается над властями предержажными. То есть его грешки искупаются грехами городничего и иже с ним, на которых Хлестаков честно играет.

Другое дело – Анатолий Александрович. В отличие от своего визави он сам принадлежит к властям предержажным. Избранник и доверенное лицо народа. И если уж он «темнит», то объегоривает не власть, ибо сам – власть, а – простите за пафос – народ, избравший его. То есть сам народ оказывается в роли как бы его сообщника по обману... народа.

Какую опасность таят в себе подобные особи, свидетельствуют посттбилисские события. Ведь именно Собчак, возглавлявший комиссию по расследованию трагедии, обвинил во всем армию, обелив боевиков Гамсахурдиа как белокрылых ангелов. Именно тогда господин Собчак открыл дорогу режиму, который принес грузинскому народу страдания и человеческие жертвы, многократно превышающие тбилисский инцидент.

* * *

Господин Горбачев! Как натура тонкая и хорошо читающая с листа характеры, Вы ведь отлично «прочитали» А. Собчака от запятой до титлы. Если уж не столь опытные заметили одну ярко выраженную особенность Анатолия Александровича – начинать посылкой, которую в конце того же абзаца дезавуировать, – то Вы ведь видели Собчака в самых глубинах сокровенного.

И вот незадача: видели и знали, но почему-то он всегда оставался неуязвимо при Вас, между тем как других Вы сдавали повзводно. А не потому ли, Михаил Сергеевич, что, подобно уже названному неприкасаемым, Анатолий Собчак как тип Вам и, как ни парадоксально, Борису Ельцину был нужен?

Однажды, в минуту откровения (истинного или деланого), Вы признались, как, прогуливаясь с имярек по своим

«Воробьевым горам», поклялись разрушить «эту прогнившую систему». Но коль скоро Вы не просто дети авторитарного режима, а зодчие и ревностные охранители его, то уж досконально знали, что разрушить режим, не ликвидировав партию, весьма и весьма сложно. (Оговорюсь: Вы и Ваши сообщники всегда лукаво «путали» Политбюро, ЦК, областных и районных кадровых аппаратчиков с миллионами партийцев, которые имели единственное преимущество: вкалывать и «за того парня», да еще платить партналог, отрывая от своей скудной зарплаты на содержание всего этого таинственного ордена, возглавляемого магистром, сиречь Вами, Михаил Сергеевич.)

Но вернемся к главному.

Теперь-то Ваш давний замысел понятен: для разрушения, как и для созидания, Вам нужны были соответствующие кадры, которые, как справедливо заметил Ваш духовный предтеча, решают все.

И Вы их продвинули во все структуры общественного организма. Сделав, по своему обыкновению, вид наивного неведения касательно того, что основные «кадры»-то были аттестованы далеко за пределами нашего бывшего многонационального отечества.

Но об этом мы, непосвященные, узнали лишь в 1991 году на так называемом «закрытом» заседании Верховного Совета, где документ под многократным грифом «секретно» о так называемых «агентах влияния» отважился через 14 лет об-

народовать Крючков. (Никак не отвяжусь от мысли: а не эта ли информация подтолкнула влиятельных лиц ускорить переворот?)

* * *

Как ни парадоксально, но мы, отчаянно и сильно поверившие Вам, и Вы, эксплуатируя нашу веру, стремились на первых порах, по существу, к одному и тому же – кардинально изменить авторитарную, жестко регламентированную систему, демократизировать ее на универсальном праве личности, на разделении законодательной, исполнительной и судебной власти. Особенно же нас, националов, привлекала Ваша приверженность к самоопределению наций, к обретению народами СССР реального суверенитета и независимости. В не меньшей мере совпадали Ваши и наши стремления к многомыслию, многопартийности, к снятию с КПСС «руководящей роли» и преобразованию ее в парламентскую партию. Более того, мы шли дальше Вас, требуя осудить поименно верхний партэтаж и заседавших в нем членов тайного ордена за кровавые репрессии, за организацию голода 33-го. И не только осудить, но и решительно разорвать генетическую связь с компрадорской партбуржуазией и, очистившись от скверны, создать Партию социальной справедливости и защиты всех трудящихся.

Правда, последнее требование, с которым и я не едино-

жды выступал на всех уровнях, почему-то всегда холодно встречалось и Вами, и Вашими сообщниками – самыми радикальными демократами.

Но – о горе нам, профанам! Мы по своей наивности и не подозревали, что наша истая вера в перестройку эксплуатировалась для совершенно иной (а мы-то верили!) цели. Да и откуда нам, сирым, было знать, что «перестройка», казавшаяся отечественным и лично Вашим изобретением, была спланирована... не у нас?!

Думается, «массам» небезынтересно будет узнать непредвзятое мнение коллеги из американского журнала «Тайм» за 24 февраля 1992 г.

Карл Бернштейн, взяв интервью у 75 представителей рейгановской администрации и Ватикана, пришел к выводу, что еще 7 июля 1982 года в результате встречи между Рональдом Рейганом и папой Иоанном Павлом II было достигнуто направленное против СССР, Польши и других стран Восточной Европы соглашение о проведении тайной кампании с целью ускорить процесс распада коммунистической системы (к этой статье мы возвратимся позже).

Хочешь не хочешь, Михаил Сергеевич, но возникает вопрос, а не... успели ли «агенты влияния» еще до 1985 года пройти отличную школу и получить тренинг и четкий, транскрибированный план действия, вплоть до того, как проводить у нас избирательную кампанию и как, используя неточности и зазоры в Законе о выборах (а эти щели были

заранее оставлены ими же), юридическую непросвещенность населения, как благодаря всем этим и прочим другим «уловкам-89» добыть депутатские мандаты для «своих»?

Если это так, то именно хорошо осведомленные в предвыборной неразберихе и продвинули горячий материал из самых низов, который, вроде бы стихийно, а на деле регулируемый «своими», расшатывал бы Верховный Совет и всю общественно-политическую структуру. Именно этот материал, ангажируемый из состава аутсайдеров общества (бывших узников, среди которых были не только истинные узники совести, но и без таковой; так называемых вечных неудачников; особей разных колеров – вплоть до небесно-голубого; обиженных бывших партократов и просто типов с реактивной психикой), и должен был составить ударный батальон. Его задача: «от имени самого-самого народа», но под рукой осведомленных пробить брешь в системе, в которую без боя вошли бы профессионалы. Роль комвзводов и вся черновая работа возлагалась на представителей своеобразной рабочей и люмпен-интеллигентской аристократии.

* * *

Пожалуй, еще жестче обозначил эту чернь с разрушительным инстинктом Достоевский. Не принимая его резкости, типа «сволочь», я все же должен процитировать писателя, не нарушая авторского права:

«В смутное время колебания или перехода всегда и везде появляются разные людишки. Я не про тех так называемых «передовых» говорю, которые всегда спешат прежде всех (главная забота) и хотя очень часто с глупейшей, но все же с определенной более или менее целью. Нет, я говорю лишь про сволочь. Во всякое переходное время подымается эта сволочь, которая есть в каждом обществе, и уже не только безо всякой цели, но даже не имея и признака мысли, а лишь выражая собою из всех сил беспокойство и нетерпение. Между тем эта сволочь, сама не зная того, почти всегда попадает под команду той малой кучки «передовых», которые действуют с определенной целью, и та направляет весь этот сор куда ей угодно, если только сама не состоит из совершенных идиотов, что, впрочем, тоже случается... В чем состояло наше смутное и от чего к чему был у нас переход — я не знаю, да и никто, я думаю, не знает... А между тем дряннейшие людишки получили вдруг перевес, стали громко критиковать все священное, тогда как прежде и рта не смели раскрыть, а первейшие люди, до тех пор так благополучно державшие верх, стали вдруг их слушать, а сами молчать; а иные так позорнейшим образом подхихикивать» (Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 10. Бесы. Изд-во «Наука», Ленинград, 1974, стр. 354).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.